

УДК 343.7+347

**ОГРАНИЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ: МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ
УГОЛОВНОГО ПРАВА И ИНЫХ ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ****М.Ю. Чельшев**, М.В. Талан, А.В. Михайлов**Аннотация**

В статье рассматриваются признаки преступления, посягающего на основы свободного рынка, добросовестную конкуренцию. Анализируются элементы и признаки состава данного преступления и практика применения этой нормы. Исследуются тенденции реализации правовой политики в сфере антимонопольного законодательства зарубежных стран. Рассматриваются статистические данные привлечения к ответственности за преступления против конкуренции в России. Выявлены слабые стороны юридической техники уголовного законодательства в отношении, связанных с деятельностью хозяйствующих субъектов. Доказана зависимость эффективного правоприменения в сфере недопущения, устранения или ограничения конкуренции от соразмерного и адекватного соотношения норм гражданского, административного и уголовного законодательства. Обоснована необходимость усиления межотраслевых связей антимонопольного законодательства.

Ключевые слова: межотраслевые связи, ограничение конкуренции, антимонопольное регулирование, квалификация преступлений, монополизация.

Особый характер и бесспорная значимость конкуренции для экономического благополучия государства объясняют повышенное внимание к отношениям в указанной сфере, постоянную необходимость совершенствования правового регулирования и поиск оптимальных мер защиты конкуренции и противодействия монополизации рынка. Антиконтурентные деяния связаны с нарушением правовых запретов, существующих в антимонопольном законодательстве. Это достаточно сложное правовое образование с чрезвычайно высоким межотраслевым аспектом регулирования.

Антимонопольное законодательство нельзя относить только к публичному либо частному праву. «Заявление законодателя (в ст. 2 Закона о защите конкуренции) о том, что антимонопольное законодательство основывается в том числе и на Гражданском кодексе РФ, свидетельствует о комплексности указанной отрасли, о ее частно-публичном характере...» [1, с. 110]. Возможные последствия нарушения правил, установленных в отношениях свободной конкуренции, оправдывают существование в антимонопольном законодательстве норм различного отраслевого характера и необходимость использования комплексного подхода к регулированию антимонопольных отношений. Поэтому считается обоснованным применение к нарушителям санкций как частноправового, так и публично-правового характера. Однако, к сожалению, целостного

экономико-правового анализа эффективности имеющихся и возможных мер ответственности за антиконкурентные правонарушения пока не было проведено, и нерешенным остается вопрос об адекватности применения тех или иных санкций.

Традиционно принято считать, что наряду с гражданско-правовыми и административно-правовыми санкциями оправдано уголовное преследование антиконкурентных правонарушений. По мнению Н.А. Лопашенко, «в число принципов криминализации следует включать принципы достаточной общественной опасности криминализируемых деяний, их относительной распространенности, возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение, преобладания позитивных последствий криминализации, неизбежности уголовно-правового запрета, своевременности криминализации» [2, с. 288]. Высказываясь об общественной опасности деяний, предусмотренных ст. 178 УК РФ (I), К.М. Хутов справедливо отметил: «Не допуская, устраняя или ограничивая конкуренцию, преступный монополизм способен причинить экономике значительный вред. Этот вред выражается в дезорганизации цивилизованных рыночных отношений, в ограничении свободы экономической деятельности различных... субъектов, в возникновении преград на пути реализации государством публичного интереса, в лишении потребителей экономической основы их прав» [3, с. 2–3]. Монополистическая деятельность, таким образом, является экономическим правонарушением, общественно опасным деянием, подпадающим под обозначенные выше критерии криминализации.

Необходимо отметить, что в зарубежном антимонопольном законодательстве система санкций также представляет собой совокупность санкций различной отраслевой принадлежности: административных, уголовно-правовых, гражданско-правовых [4–5]. Анализ европейской и американской моделей антимонопольного законодательства позволяет дифференцировать составы антиконкурентных преступлений в зарубежном праве на «монополизацию» как таковую (в США) и на «злоупотребление доминирующим положением» (в странах ЕС). Основное отличие указанных подходов заключается в определении объективной стороны преступления. Если американское право запрещает монополизацию рынка независимо от вредных последствий, то европейское право делает акцент на контроле за злоупотреблениями, не предусматривая уголовных санкций за факт доминирования на рынке. Американское законодательство отдает предпочтение уголовно-правовым нормам, которые преобладали в антимонопольном регулировании США исторически и претерпевали изменения относительно строгости санкций, а для ЕС характерна господствующая роль административного воздействия, несмотря на некоторые существующие тенденции криминализации [6, с. 378–401; 7–8]. Заметим, что Россия в целом относится к европейской модели антимонопольного законодательства [9, р. 32–38], и, возможно, именно европейские приемы защиты от антиконкурентных нарушений у нас будут более эффективными.

Американский экономист Гэри Беккер писал: «Чтобы санкция создавала достаточный уровень сдерживания, необходимо, чтобы ожидаемый выигрыш нарушителя был ниже ожидаемого выигрыша не нарушающего закон» [10, р. 9]. Отвечает ли уголовное законодательство, направленное на пресечение монополистической деятельности, публичным интересам, потребностям добросовестных

предпринимателей и потребителей? Позволяет ли уровень юридической техники уголовно-правовых антимонопольных норм обеспечивать эффективную реализацию целей этих норм? Для ответа на поставленные вопросы необходимо охарактеризовать преступления в антимонопольной сфере, провести анализ состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, выявить существующие проблемы применения нормы соответствующей статьи.

Статистика привлечения к ответственности по ст. 178 УК РФ свидетельствует о нечастом применении данной статьи. По данным Федеральной антимонопольной службы (ФАС), в 2010 г. антимонопольным органом передано в правоохранительные органы 23 материала дел для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 178 УК РФ [11], за период 2010 г. – первое полугодие 2012 г. по указанной статье было осуждено всего три лица. При этом только за 2012 г. антимонопольными органами выявлено 89 картелей. По злоупотреблению доминирующим положением приговоры судов вообще отсутствуют [12]. Таким образом, можно констатировать, что антиконкурентные преступления редко наказываются в уголовном порядке, хотя на практике достаточно распространены. Для выявления причин подобных явлений необходимо разностороннее научное осмысление проблемы.

Для целостного исследования антиконкурентных преступлений нужно более подробно остановиться на составе преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ. Так, непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок осуществления законной предпринимательской деятельности и добросовестную конкуренцию. В качестве дополнительного объекта могут выступать имущественные интересы граждан и юридических лиц, отношения собственности (п. «б» ч. 2) и здоровье человека (ч. 3) [13]. По мнению некоторых исследователей, «дополнительным объектом являются здоровье человека или собственность, так как посягательство совершается с применением насилия или его угрозой, угрозой либо уничтожением или повреждением чужого имущества» [14, с. 306–307].

Можно согласиться с К.Ю. Тотьевым, который включает в структуру объекта уголовно-правовой охраны в сфере конкуренции три группы отношений: между отдельными хозяйствующими субъектами (конкурентами или потенциальными конкурентами), между хозяйствующими субъектами и государством в лице уполномоченных органов, между хозяйствующими субъектами и потребителями [15, с. 10]. Помимо этого, в структуру объекта преступления можно включить достигнутые за пределами территории РФ соглашения между российскими или иностранными лицами либо организациями, если в отношении таких соглашений в совокупности выполняются следующие условия: 1) соглашения достигнуты относительно находящихся на территории РФ основных производственных средств и (или) нематериальных активов либо акций (долей) российских хозяйственных обществ, прав в отношении российских коммерческих организаций; 2) соглашения приводят или могут привести к ограничению конкуренции в РФ [16, с. 300].

Объективная сторона преступления, о котором идет речь, выражается в самом деянии (ограничении конкуренции); последствии в виде причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечения дохода

в крупном размере (более 50 млн руб.); причинной связи между ними (I) [7, с. 407]. Способ совершения преступления носит исчерпывающий характер: заключение хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля).

Статья 178 УК РФ была изменена в марте 2015 г. (II). До вступления в силу действующей редакции в статье были обозначены и иные способы совершения преступления: неоднократное злоупотребление доминирующим положением, выразившимся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок.

Состав преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, является формально-материальным, так как уголовная ответственность лица может наступить при наличии определенных последствий, выразившихся в причинении крупного ущерба гражданам, организациям или государству (более 10 млн руб.) либо в извлечении дохода в крупном размере (более 50 млн руб.) [17, с. 373]. В первом случае наличие количественного критерия представляется вполне обоснованным ввиду того, что причинение вреда в небольших размерах не несет большой общественной опасности и криминализация подобного незначительного правонарушения не будет отвечать принципу соразмерности по отношению к отрицательным последствиям. Но использование в качестве количественного показателя материальной составляющей состава преступления – дохода – представляется спорным. Можем предположить, что, вводя данный критерий, законодатель руководствовался мотивом облегчить квалификацию содеянного по ст. 178 УК РФ, так как гораздо легче установить доход, нежели выявлять нанесенный ущерб у значительного числа потребителей либо участников рынка. Однако подобная формулировка предусматривает криминализацию деяний только в зависимости от степени удачливости или профессионализма лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, полностью игнорируя принципы криминализации, общественную опасность и возможные неблагоприятные последствия деяния. Очевидно, причина появления подобного положения – стремление к пресловутому снижению стандартов доказывания и упрощению процедуры привлечения к уголовной ответственности. По нашему мнению, подобная криминализация деяний без учета их общественной опасности и возможных неблагоприятных последствий является необоснованной.

Принятый в марте 2015 г. Федеральный закон, изменивший ст. УК РФ (II), в значительной мере улучшил юридическую технику норм соответствующей статьи. В частности, ранее формулировка статьи позволяла сделать вывод, что для привлечения к ответственности необходимо доказать наличие объективной стороны в виде совокупности деяний (картельное соглашение и неоднократное злоупотребление доминирующим положением), а не наличие хотя бы одного из перечисленных деяний.

Новая редакция ст. 178 изменила подход к определению последствий антиконкурентных преступлений. Долгое время существовали различия в доказывании объективной стороны антиконкурентного административного правонарушения и антиконкурентного преступления. В соответствии с ФЗ «О защите конкуренции» (III) при заключении картельного соглашения вред конкуренции

презюмируется, в отличие от положений действующей ранее редакции УК РФ. Действующая редакция усиливает межотраслевые связи уголовного и предпринимательского права, указывая на бланкетный характер нормы ст. 178 УК РФ, для уточнения состава которой и установления последствий антиконкурентного деяния необходимо обратиться к ФЗ «О защите конкуренции».

При определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, межотраслевые связи гражданского, антимонопольного и уголовного законодательства находят свое наиболее заметное проявление и имеют огромную значимость. Это связано с тем, что статус субъекта преступления находится в прямой зависимости от гражданско-правового статуса лица.

Прежде всего, субъектами антимонопольного законодательства (в части предотвращения монополистической деятельности) являются крупные коммерческие организации и объединения таких организаций, с серьезной разветвленностью органов управления. Часто в таких организациях сложно определить, какое лицо принимает решение, повлекшее нарушение норм антимонопольного законодательства, и кто является непосредственным субъектом ответственности.

Закон о защите конкуренции использует понятие *хозяйствующий субъект*, под которым понимаются коммерческие и некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую им доход, индивидуальные предприниматели, иные физические лица, осуществляющие профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации (III, ст. 4). Но если субъектом антимонопольного нарушения и, следовательно, субъектом ответственности является хозяйствующий субъект, то в уголовном праве, по причине недостаточной адаптированности уголовно-правовых норм и несовершенства юридической техники уголовного права применительно к отношениям с участием предпринимателей, многие лица, являющиеся хозяйствующими субъектами, не могут быть привлечены к ответственности.

Большинство авторов-криминологов склоняются к тому, что субъект преступления против конкуренции является общим – вменяемым лицом, достигшим возраста 16 лет. «Однако следует учитывать, что в определении объективной стороны закон указывает на действия, которые могут быть совершены только хозяйствующими субъектами и “группами лиц”. Поэтому выполнить объективную сторону этого преступления может только лицо, действующее в интересах или обязанное действовать в интересах соответствующих “хозяйствующих субъектов” или “групп лиц”» [16, с. 402].

Однако ряд авторов настаивает на характеристике субъекта в качестве специального. Так, Е.Е. Петров, обосновывая тезис о том, что субъект указанного преступления является специальным, пишет: «Специфика этого преступления такова, что описанные в диспозиции нормы деяния могут быть совершены не любым вменяемым лицом, достигшим возраста 16 лет, несмотря на то что уголовно-правовая норма не содержит указания на специальный субъект данного преступления. <...> В зависимости от способа совершения преступления, его субъектами могут быть представители хозяйствующих субъектов, действующие от его имени и в его интересах и (или) соответствующие должностные лица.

Представляется, что в целях более четкой дифференциации ответственности, предусмотренной ст. 178 УК РФ, к ней следует привлекать только тех представителей хозяйствующих субъектов, которые занимают доминирующее положение на рынке» [18, с. 15].

При этом возникает другой важнейший вопрос: кого считать представителем таких хозяйствующих субъектов? Ясно, что на практике решение об осуществлении каких-либо действий, ограничивающих конкуренцию, может принять лицо, которое не является органом юридического лица, например крупный акционер. Однако юридически субъект принятия решения – определенное должностное лицо. Таким образом, определить реального субъекта данного преступления достаточно трудно. Но очевидно, что им может быть лишь лицо, способное оказывать влияние на принятие хозяйствующим субъектом тех или иных решений.

Для определения признаков и статуса субъекта неминуемо обращение к нормам гражданского законодательства. Здесь отчетливо прослеживается взаимосвязь гражданско-правового и уголовно-правового статуса субъекта. Например, согласно ст. 53 ГК РФ (IV) юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. Именно гражданское законодательство наделяет единоличный или коллегиальный исполнительный орган полномочиями приобретать права и исполнять обязанности от имени юридического лица. Физическое лицо, не имея статуса единоличного исполнительного органа (или любого другого, позволяющего принимать решения относительно юридического лица, например статуса доверенного лица), а следовательно, не имея возможности осуществлять распорядительные функции в рамках хозяйствующего субъекта, вряд ли будет являться субъектом рассматриваемого преступления.

Принятие решения, влекущего за собой нарушение норм антимонопольного законодательства, коллегиальным органом позволяет говорить о соучастии при совершении преступления. В соответствии со ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. В ст. 33 УК РФ приводятся виды соучастников: организатор, подстрекатель и пособник. Смоделируем ситуацию, когда советом директоров принимается решение о совершении крупной сделки, которое в последующем одобряется собранием акционеров. В результате ответственным лицом за исполнение сделки назначается директор общества. Распределение ролей в преступлении будет зависеть от статуса лица в корпоративных отношениях. Исполнителем, вероятнее всего, будет являться единоличный орган общества. Таким образом, субъект преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, – физическое лицо, которое обладает организационно-распорядительными функциями в отношении хозяйствующего субъекта.

Весьма интересным представляется вопрос об ответственности субъектов, не относимых по общему правилу к категории хозяйствующих субъектов. Так, С.В. Векленко называет в качестве субъектов рассматриваемого преступления должностных лиц, руководящих государственными, муниципальными органами, Центральным банком РФ, государственными внебюджетными фондами. По его

мнению, несмотря на то что такие государственные органы не перечисляются в собирательном понятии *хозяйствующий субъект*, по аналогии с юридическим лицом субъектами преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, могут быть должностные лица указанных органов [19, с. 18]. С такой позицией, очевидно, следует согласиться, поскольку деятельность данных субъектов вполне может привести к последствиям антимонопольных преступлений, указанным в уголовном законодательстве.

Для установления субъекта в антимонопольных преступлениях важным представляется вопрос о целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц. Стоит заметить, что во многих зарубежных государствах в качестве субъекта преступлений, связанных с нарушением конкуренции, может выступать юридическое лицо [20–21]. При восприятии подобного подхода в отечественном праве многие сложные вопросы относительно субъекта ответственности по ст. 178 УК РФ автоматически были бы решены.

Различные подходы к самому пониманию категории *субъект* в гражданском и уголовном праве существенно усложняют правоприменительную практику и не способствуют эффективности правового регулирования. Разумеется, нельзя предлагать какую-либо унификацию терминов и категорий. Однако более точно определить в уголовном законе конкретного субъекта ответственности необходимо.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется виной в виде прямого или косвенного умысла. Лицо осознает совершение действия по ограничению конкуренции, предвидит возможность или неизбежность причинения крупного ущерба либо извлечения дохода в крупном размере и желает этого либо сознательно допускает подобные последствия или относится к ним безразлично.

Для уяснения вопросов, связанных с определением субъективной стороны антимонопольных преступлений, а также в целом для наиболее полного анализа порядка реализации нормы ст. 178 УК РФ необходимо обратиться к Письму ФАС России «О мерах по реализации статьи 178 Уголовного кодекса РФ» (V). В соответствии с данным документом комиссиям по рассмотрению дел о нарушении антимонопольного законодательства при установлении фактов нарушений ст. 10, 11 и 16 Федерального закона «О защите конкуренции» следует определять размер причиненного ущерба или извлеченного дохода и отражать установленные обстоятельства в решении по делу о нарушении антимонопольного законодательства.

Если сумма нанесенного ущерба или извлеченного дохода превышает установленные ст. 178 УК РФ пределы, антимонопольный орган обязан направить административное дело в правоохранительные органы. При этом ранее необходимым условием для привлечения к уголовной ответственности за злоупотребление доминирующим положением было наличие административной преюдиции – направление дела в правоохранительные органы было возможно лишь в том случае, если ранее лицо уже подвергалось административной ответственности за аналогичное правонарушение. С 2015 г. законодатель отказался от подобной практики.

Лицо, совершившее антимонопольное преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате действий, предусмотренных ст. 178 УК РФ, и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Возникает вопрос: что означает «иным образом загладило вред»? Возможно, смысл этого предложения заключается в том, что, если субъект извлек доход в крупном размере, но нанесенный им ущерб не доказан, он должен «иным образом загладить вред». Очевидно, и здесь необходима конкретизация существующей нормы. В целом указанная практика положительно оценивается специалистами, которые отмечают значительный удельный вес прекращенных (в частности, в 2011 г.) уголовных дел за примирением с потерпевшим (18,9 %) [22, с. 25].

Анализ всех элементов состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, показывает, что важнейшей особенностью антимонопольного преступления является межотраслевая «зависимость» данной нормы. Для ее уяснения и правильного применения необходимо обратиться к категориям гражданского и антимонопольного законодательства, таким как *картель*, *конкуренция*, *доминирующее положение*, *цена*, *ущерб* и др. Аналогично для применения ст. 10 ГК РФ необходимо рассмотреть дефиниции Федерального закона «О защите конкуренции»: *доминирующее положение*, *конкуренция*. Межотраслевые связи присутствуют при определении категориального аппарата, обеспечивают комплексность антимонопольного регулирования и находят свое отражение в определении элементов преступления.

Основные проблемы выявления и пресечения антиконкурентных нарушений связаны прежде всего с определенной несбалансированностью межотраслевых связей гражданского, предпринимательского (сюда мы относим и конкурентное) и уголовного права. Так, например, не всегда эффективны в таких условиях стандартные приемы определения субъекта ответственности, требуется конкретизация субъекта преступления по ст. 178 УК РФ во взаимосвязи с законодательством о защите конкуренции.

Некоторые сложности в пресечении антиконкурентных преступлений связаны с тем, что речь идет о правонарушениях очень сильных в финансовом плане субъектов. Такие лица зачастую имеют неограниченные возможности для продвижения своих интересов в высших инстанциях и для выделения денежных средств на штрафы. В 90-х годах XX в. крупные организации нередко закладывали суммы штрафов в бизнес-план. Повышение размера административных и уголовных штрафов, равно как введение оборотных штрафов, привело к отказу от такой практики. Но и сейчас часто возникают ситуации, когда ожидаемая прибыль от нарушения антимонопольного закона превышает возможный штраф. Это, конечно, не свидетельствует о необходимости увеличения размера штрафов. Скорее, это говорит о важности добиваться такого экономического развития, когда субъектам будет выгодно «работать от оборота», а не получать доход от увеличения торговых надбавок.

На данный момент имеет место обратное влияние уголовно-правовых норм на антимонопольное законодательство. Задействуется механизм принуждения, устрашения уголовной ответственностью, вместо того чтобы использовать

стимулирующие средства для обеспечения нормальной работы субъектов предпринимательской деятельности. Эффективности можно будет достичь в том случае, если соразмерно и уместно будут применяться и регулятивные, и охранительные, и стимулирующие меры. Так, необходимо развивать внутренние рынки в России, создавать работающую систему разрешения экономических споров (в том числе и путем использования медиации, системы третейских судов). Необходимо и юридико-техническое совершенствование норм УК РФ.

Существующие в уголовном законе положения недостаточно адаптированы к столь сложным и разветвленным отношениям по защите конкурентного рынка. Необходимо совершенствование уголовного законодательства в различных направлениях: улучшение юридической техники и, что особенно важно в рассматриваемой сфере, укрепление межотраслевых связей – прежде всего создание непротиворечивой, адекватной и четкой законодательной базы, регулирующей группу общественных отношений по защите конкуренции. Недаром в нашей стране сформировалось и стало интенсивно развиваться законодательство о защите конкуренции, ученые даже говорят о появлении конкурентного права как новой отрасли [23, с. 46]. Не углубляясь в дискуссии по поводу самостоятельности данной отрасли и удачности ее определения, необходимо признать, что главное преимущество выделения группы норм в отдельное правовое образование заключается именно в сбалансированности межотраслевых связей этого правового образования.

Разумеется, для эффективной реализации норм антимонопольного регулирования важно продумать оптимальное соотношение мер административной и уголовной ответственности. Анализ элементов состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, комплексная оценка, включающая межотраслевые связи антимонопольного регулирования, международный опыт и статистику привлечения к ответственности за правонарушения рассматриваемого характера, свидетельствуют о недостаточной эффективности использования уголовно-правовых санкций.

В целом ряде случаев, как это ясно и из материалов ФАС, проще применять административное наказание, тем более что оно возможно в отношении не только физического, но и юридического лица. Поэтому можно высказать мнение о целесообразности декриминализации деяний, которые в настоящее время преследуются в уголовном порядке на основании ст. 178 УК РФ. Административное наказание, особенно в отношении юридического лица, представляется более эффективной мерой. Возможно, имеет смысл оставить уголовную ответственность лишь за антиконкурентные общественно опасные деяния, которые влекут причинение ущерба в крупном размере.

Summary

M.Yu. Chelyshev, M.V. Talan, A.V. Mikhailov. Limitation of Competition: Cross-Sectoral Links of Criminal Law and Other Branches of Law.

The paper discusses elements of a crime encroaching on the basics of free market, fair competition. The elements and features of this type of crime, as well as the practice of applying the above-stated norm, are analyzed. Current trends in the legal policy of foreign countries concerning the field of antitrust legislation are studied. The statistical data on accountability

for crimes against competition in Russia are considered. Weaknesses are identified in the legal technique of criminal legislation regarding the relations associated with the activity of economic entities. The dependence of effective law enforcement for preventing, eliminating, and restricting competition on the commensurate and adequate correlation between the norms of civil, administrative, and criminal legislation is proved. The need to strengthen the cross-sectoral links of antitrust legislation is substantiated.

Keywords: cross-sectoral links, restriction of competition, antitrust regulation, qualification of crimes, monopolization.

Источники

- I – Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- II – Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1415.
- III – Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3434.
- IV – Гражданский кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 1994. – № 32. — Ст. 3301.
- V – Письмо Федеральной антимонопольной службы от 29 окт. 2009 г. № ИА/38193 «О мерах по реализации статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/70269874/>.

Литература

1. *Чельшиев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: Цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2009. – 501 с.
2. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономики. Авторский комментарий к уголовному закону. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 720 с.
3. *Хутов К.М.* Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование / Отв. ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 189 с.
4. *Graham E.M., Richardson J.D.* Global Competition Policy. – Washington, DC: Peterson Institute, 1997. – 591 p.
5. *LaFrance M.* Passing Off and Unfair Competition: Conflict and Convergence in Competition Law // Scholarly Works. – 2011. – Paper 784. – P. 1413–1442. – URL: <http://scholars.law.unlv.edu/facpub/784>.
6. *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. – М.: Статут, 2005. – 571 с.
7. *Chiriță A.D.* A Legal-Historical Review of the EU Competition Rules // Int. Comp. Law Q. – 2014. – V. 63, No 2. – P. 281–316.
8. *Hay G.A., McMahon K.* The diverging approach to price squeezes in the United States and Europe // J. Compet. Law Econ. – 2012. – V. 8, No 2. – P. 259–296.
9. *Khokhlov E.* The Current State of Russian Competition Law in the Context of its Harmonisation with EU Competition Law // J. European Competition Law & Practice. – 2014. – V. 5, No 1. – P. 32–38.
10. *Becker G.S.* Crime and punishment: An Economic Approach // Becker G.S., Landes W.M. Essays in the Economics of Crime and Punishment. – N. Y.: Columbia Univ. Press (for NBER), 1974. – P. 1–54.
11. *Кинев А.Ю.* В 2010 году ФАС России передала в органы внутренних дел 23 материала для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по статье 178 УК РФ // ФАС. – URL: http://fas.gov.ru/fas-news/fas-news_31977.html, свободный.

12. Разъяснение ФАС России о проекте федерального закона «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации» // ФАС. – URL: http://fas.gov.ru/fas-news/fas-news_34211.html, свободный.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. А.И. Рапог // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=16770>.
14. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2012. – 942 с.
15. *Томьев К.Ю.* Уголовная ответственность за монополистическую деятельность // Хозяйство и право. – 1998. – № 5–6. – С. 54–57.
16. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рапога, А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М: Контракт, 2009. – 793 с.
17. Конкурентное право России / Отв. ред. И.Ю. Артемьев, А.Г. Сушкевич. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. – 390 с.
18. *Петров Е.Е.* Конкуренция и ее уголовно-правовая защита на современном этапе // Рос. следователь. – 2010. – № 22. – С. 13–16.
19. *Векленко С.В., Варданян Т.М.* Отягчающие обстоятельства недопущения, ограничения или устранения конкуренции // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2010 – № 2. – С. 16–21.
20. *Beale S.S.* The Development and Evolution of the U.S. Law of Corporate Criminal Liability // German Conference on Comparative Law (September 2013). – URL: http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5910&context=faculty_scholarship, свободный.
21. *Matikkala J.* Criminal Law and Competition Infringements // Criminal law / Ed. by P. Wahlgren. – Stockholm: Stockholm Institute for Scandinavian Law, 2009. – P. 269–288.
22. *Авдеев В.А.* Национальная уголовно-правовая политика в сфере противодействия преступности // Криминологический журн. БГУЭП. – 2012. – № 4. – С. 21–28.
23. *Артемьев И.Ю.* Основы антимонопольного регулирования в Российской Федерации / Под общ. ред. И.Ю. Артемьева. – Казань: Полигран-Т, 2009. – 280 с.

Поступила в редакцию
24.06.15

Чельшев Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор.

Талан Мария Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: mtalan@inbox.ru

Михайлов Андрей Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: avm@pravmail.ru